

Папа явно ещё не проснулся.

Нельзя мешать папе спать.

Юй Цинлин принял волевое решение: пусть лучше отдувается кто-то другой, но только не любимый папа.

Он набрал номер Кингсли, после чего с глубоким вздохом отправился в угол класса — отбывать добровольное наказание.

На малыше были тёмно-синие комбинезонные штанишки на лямках. Из-под них выбивались пышные мягкие пряжи, а длинные ресницы отливали нежным детским румянцем у внешних уголков глаз. Юй Цинлин от природы отличался фарфорово-белой кожей, и его дымчато-голубые глазки сейчас выглядели невыносимо невинными. Заложив пухлые ручонки за спину и покорно уставившись в стену, он выглядел вовсе не как провинившийся сорванец, а скорее как несправедливо обиженный ребёнок.

Настоящее забитое щеня, да и только.

Учитель Цзян ещё раз мысленно пробежалась по ответу, который он написал в рабочей тетради:

«Бабушка вырастила для меня щеночка».

Она поспешно отвела взгляд. Если посмотреть на этого ребёнка ещё хоть секунду, вся педагогическая строгость разлетится в прах.

Когда Кингсли наконец примчался в школу, Юй Цинлин уже чинно сидел рядом с учителем Цзян. Сжимая в кулачке шоколадную палочку, он с важным видом «помогал» ей проверять домашние задания.

Кингсли застыл в дверях:

—...

— Здравствуйте, — выдохнул он. — Я родитель Юй Цинлина.

Учитель Цзян давно была в курсе семейных обстоятельств мальчика: папа у Цинлина — одинокий бета, которому приходится вкалывать на восьми работах за день, лишь бы оплачивать сыну достойный детский сад. Из-за этого на вызовы учительницы вечно приходили разные люди: то дяди, то тёти, то какие-то троюродные сёстры.

Она слегка откашлялась и сочувственно произнесла:

— Я прекрасно понимаю, как нелегко приходится папе Цинлина, когда он разрывается на восьми работах ради ребёнка, но воспитание Цинлина — вопрос крайне важный.

Кингсли округлил глаза:

«?»

Каких ещё восьми работах?

Разве Юй Нянь не целыми днями давит диван дома?

Он что, на восьми работах во сне вкалывает?

Кингсли в жизни не встречал человека, который жил бы в такое удовольствие, как Юй Нянь. У него даже имелось подозрение, что тот отхватил многомиллионное наследство и теперь просто наслаждается жизнью под видом бедного-несчастливого отца.

«Это вообще тот Юй Нянь, которого я знаю? — мысленно изумился Кингсли. — Ну и парочка. Семейка гениев артистизма: Цинлин каждый день притворяется дурачком, а Няньнянь изображает нищего».

— Вот, посмотрите сами на его домашнее задание, — учитель Цзян подвинула тетрадь.

Кингсли так и не решился озвучить свои сомнения. Переключив внимание на тетрадку, он мгновенно вернул себе уверенный вид:

— А, это! Так я же сам его учил! Задание выполнено идеально, просто perfect!

Учительница Цзян лишилась дара речи:

—...

Юй Цинлин изо всех сил старался стать незаметным. Он закрыл лицо ладонками и сквозь щели между пальцами с ужасом наблюдал за тем, как Кингсли вступает в неравный бой с педагогом.

Учительница Цзян долго держала себя в руках, но в конце концов не выдержала:

— Скажите честно, вы свой экзамен по китайскому языку списали?

Голос Кингсли мгновенно сдулся:

— Тише вы... Зачем так громко о таких вещичках?

Учительница Цзян:

—...

Юй Цинлин окончательно зажмурился:

«!!»

Он судорожно потянул Кингсли за край пиджака:

«Молчи! Не говори ничего! Заставят вместе в углу стоять!»

Однако Кингсли совершенно не понял тонкого намека. Он продолжал с жаром доказывать учительнице Цзян, насколько его варианты ответов логичны, безупречны и вообще преисполнены глубокого смысла.

От этого шума у преподавательницы разболелась голова. Ей уже самой захотелось вызвать родителей этого золотистого иностранца.

Наконец, потеряв остатки терпения, она строго произнесла:

— Так, ротик на замок!

У Юй Цинлина сработал чистый рефлекс. Он мгновенно обнял Кингсли за ногу и пролепетал:

— Скорее закрой ротик!

Кингсли опешил:

«?»

Он опустил голову. Впервые с момента их знакомства он слышал, чтобы Юй Цинлин говорил настолько осмысленно и членораздельно.

Голосок у малыша был совсем мягким, а прекрасные глаза смотрели на Кингсли с мольбой:

— Умоляю тебя, молчи!

Кингсли послушно замолк.

Спустя минуту он уже подпирал стену в коридоре возле учительского кабинета, держа Юй Цинлина на руках. Малыш удобно устроился у него на сгибе локтя, пока взрослый отбывал

наказание.

На прощание учительница Цзян лишь вздохнула и напутствовала мальчика:

— Цинлин, в следующий раз не проси его помогать тебе с уроками.

Прижимая к груди тетрадь, пестревшую большими красными крестами, Юй Цинлин послушно кивнул.

Даже после того как экзекуция закончилась, Кингсли не ушёл, а остался ждать конца занятий, чтобы забрать малыша домой.

Стоя у ворот, иностранец всё никак не мог избавиться от странного ощущения. Лишь когда он забрал у воспитателя рюкзачок и поднял ребёнка на руки, а Юй Цинлин уткнулся носом в его шею, Кингсли осенённый замер.

Погодите-ка...

Если Юй Цинлин действительно настолько глупенький или имеет задержку в развитии, как он мог с первого раза запомнить номер его телефона?

Этот номер мельком мелькнул перед глазами ребёнка всего один раз! Да даже Юй Нянь, скорее всего, не помнил его наизусть! А этот маленький хитрец не просто запомнил, но и умудрился вызвать его в школу в качестве родителя!

К тому же Юй Нянь, хоть и любил поспать, в сыне души не чаял. Разве мог он сквозь пальцы смотреть на проблемы со здоровьем собственного ребёнка? Сколько бы Кингсли ни твердил ему про врачей, Юй Нянь даже не думал вести Цинлина в клинику.

Сопоставив все детали, Кингсли понял потрясающую вещь: его обвели вокруг пальца!

Какой ещё отстающий в развитии малыш?! Перед ним стоял самый настоящий чёрный таньюань — белоснежный и сладкий снаружи, но с той ещё тёмной начинкой!

Кингсли слегка подбросил на руках этот коварный рисовый шарик. И тут же услышал, как ребёнок пробормотал ему прямо в ухо:

— Кушать.

Юй Цинлин:

— Кушать танъюани.

Кингсли:

—...

Чёрный танъюань окончательно сбросил маску. Похоже, сам понял, что разоблачён.

Раньше Кингсли искренне жалел этого бедного глупенького мальчика. Теперь же ему хотелось пожалеть самого себя — вот уж кто тут оказался настоящим глупцом!

Спустя две минуты двое сидели на корточках у уличного лотка, держа по пиале со сладкими рисовыми шариками. Золотистая пышная шевелюра Кингсли делала его похожим на огромного добродушного ретривера, а сидевший рядом брюнет Цинлин казался рядом с ним крошечным котёнком породы девон-рекс.

Набив животик, Юй Цинлин довольный придвинулся ближе к Кингсли и снизу вверх взглянул на него чистым, мягким васильковым взором:

— Мяу-мяу.

Кингсли сдавленно ухмыльнулся, качая головой:

— Что, опять вкусно стало?

Юй Цинлин послушно кивнул:

— Сладкие. Вкусные.

Затем он перевернул бумажную пиалу доньшком вверх и уставился на Кингсли недоуменным взглядом:

— А почему кончились? Странно так...

Кингсли:

—...

Ну и сокровище же вырастил Юй Нянь!

Кингсли волевым усилием отвернулся, стараясь не поддаваться на эту невыносимую милоту:

— Съел — вот и кончились.

Юй Цинлин:

— Вот оно что...

Юй Цинлин:

— Дядя.

Кингсли повернул голову:

— Чего тебе?

Юй Цинлин:

— Дядя, я так тебя люблю!

Кингсли встретился взглядом с большими, словно прозрачные озёра, глазищами маленького котика, и его сердце окончательно растаяло.

Он его любит.

И так искренне!

Да ещё и дядей назвал...

Подумаешь, танъюани! Купить! Купить десять пиал! Нет, сто пиал!

Кингсли подхватил малыша и сгреб его под мышку:

— Пошли, куплю ещё. Маленьким танъюаням положено есть танъюани!

Юй Цинлин цеплялся за его мускулистую руку:

— Малыш не танъюань!

От того, что Кингсли широко шагал, голос мальчика забавно подрагивал на ходу:

— Малыш — э-э-э-то...

— Я-а-а-о-о-о-и-и-и-о-о-о-у-у-у...

Кингсли удивился:

— Цинлин, ты с чего вдруг алфавит решил вспомнить?

Юй Цинлин:

—...

Пока Кингсли сбегал по лестнице, Юй Цинлина едва не убаюкала эта тряска. Кингсли же с довольным видом сверху вниз оглядел ребёнка:

— Красивый мой танъюанчик.

Юй Цинлин мысленно вздохнул:

«Похоже, я сейчас укачаюсь до смерти...

Папа, малыш сегодня не вернётся домой.

Не оставляй мне ужин».

В этот момент в голове Кингсли внезапно раздался тихий голос, заставивший его оступить на ступеньке. Он в ужасе посмотрел на ребёнка, у которого был совершенно вялый и помятый вид:

— Малыш больше не хочет танъюани...

Кингсли:

—...

Он тут же бережно перехватил мальчика на руки:

— Прости-прости, я не специально!

Юй Цинлин насупил изящные бровки:

— Ничего стра... шного.

Кхе!

Кингсли:

—...

В итоге за второй порцией они так и не пошли. Кингсли нёс обмякший «танъюанчик» домой на руках. Из-за сильной тряски у Юй Цинлина всё ещё кружилась голова, и он доверчиво прижался лбом к горячей шее мужчины.

Кингсли уверенно держал его одной рукой.

Так они и шагали к дому в золотистых лучах заходящего солнца.

Пусть Кингсли временами и совершал глупости, он обладал высокой переносицей, глубоко посаженными глазами и весьма эффектной внешностью. Эта контрастная парочка из высокого иностранца и крошечного малыша привлекала немало заворожённых взглядов прохожих.

Никто из них не заметил, что за ними следом неспешно идут.

Когда они добрались до дворика, у дверей их уже ждал Юй Нянь. Впрочем, выходя на улицу, тот по привычке надел защитную маску.

— Спасибо, что забрал Цинлина, — произнёс Юй Нянь.

Он забрал сына из рук Кингсли. В этот момент они втроём выглядели со стороны как самая настоящая счастливая семья.

— Я его случайно немного утряс, — Кингсли виновато почесал затылок. — Извини.

Затем иностранец наклонился к мальчику:

— Цинлин, давай я завтра куплю тебе танъюани в знак извинения, идет?

Из обнимающих рук Юй Няня высунулась пушистая головка:

— Со вкусом персика!

Юй Нянь улыбнулся:

— Раз так, не ходи сегодня к себе готовить. Помоги Цинлину с уроками, а я состряпаю ужин. Поедим вместе.

Юй Цинлин:

«!!»

Не-е-е-ет!

Только не снова вызов родителя!

Кингсли:

—...

Сам-то он был не против, но испуганный взгляд Юй Цинлина прозрачно намекал, что дело дрянь.

— Да ладно, пожалуй, я пойду к себе...

Кингсли развернулся, и его спина выглядела довольно одиноко.

Юй Цинлин мгновенно сжалился и вцепился пальчиками в край его куртки:

— Пойдём делать уроки, дядя.

Юй Нянь мягко усмехнулся:

— Входи, Кингсли.

Кингсли жил в этом городке совершенно один, и готовить самому себе ему часто было лень. Юй Нянь регулярно приглашал его на семейные ужины. К тому же иностранец искренне привязался к Цинлину, за что Юй Нянь был ему глубоко благодарен. Да и было видно: Цинлин очень любил этого взрослого друга.

Вскоре Кингсли уже сидел за столом рядом с Юй Цинлином. На этот раз он не пытался «помогать», а просто молча наблюдал, как малыш выводит палочки в тетради.

Кингсли нравились такие вечера. Одному на чужбине бывает неуютно и тоскливо, но Юй Нянь и этот малыш приняли его так тепло, что жизнь в далекой стране перестала казаться чужой и холодной.

В то же самое время снимок, на котором были запечатлены Юй Цинлин, Юй Нянь и Кингсли, просочился в сеть и мгновенно разлетелся по всем социальным платформам.

И хотя Юй Цинлину исполнилось всего три года, его дымчато-голубые глаза и точёный носик придавали его облику невероятно яркие, утончённые черты.

На фото трогательный малыш доверчиво прижимался к плечу высокого мужчины, выглядя невероятно милым и защищённым.

Почти все пользователи сети единодушно решили, что перед ними — идеальная семейная идиллия.

«Генетика у этой семейки просто невероятная!»

«Какой ангелочек! Он нереально красивый, эта мордашка — просто произведение искусства!»

Город А, Поместье семьи Вэнь

В этот вечер в поместье Вэнь проходил грандиозный банкет по случаю дня рождения.

В ночном небе разворачивалось пиротехническое шоу, роскошь которого граничила с безумным расточительством. Финальный аккорд превратил купол неба в пылающий океан: сотни огненных каскадов со свистом взмывали ввысь и рассыпались бриллиантовыми водопадами.

Сегодня праздновали день рождения маленького господина семьи Вэнь, и в поместье собрался весь цвет высшего общества.

Несмотря на то что за последние три года вражда между кланами Цинь и Вэнь обострилась до предела, представители Цинь всё же явились на торжество.

На балконе второго этажа, между двумя отцами-альфами, стоял маленький Вэнь Суй.

Отец Вэнь Суя кивнул в сторону зала:

— Вэнь Суй, видишь тех людей?

Мальчик посмотрел в указанном направлении — аккуратно туда, где стоял Цинь Фуюань.

Отец Вэнь продолжил с холодным нажимом:

— Ты должен знать, что в последнее время Цинь отбирают у нас один крупный контракт за

другим. Семьи Цинь и Вэнь соперничали всегда: то они берут верх, то мы. Так повелось из поколения в поколение. Ты — надежда нашего рода. Твоя задача — окончательно сокрушить клан Цинь. А твой главный соперник — ребёнок Цинь Фуюаня, который до сих пор сгинул где-то на стороне. Даже если его найдут, из него, скорее всего, вырос необразованный дикарь. Это наш лучший шанс втоптать Цинь в грязь. Ты обязан им воспользоваться.

Одетый в строгий детский смокинг, мальчик держал осанку идеально прямой. Несмотря на юный возраст, в нём уже ощущалась холодная, гордая сдержанность наследника великого клана.

Он произнёс сдержанно:

— Я понял, отец.

Он выведет свой род на вершину. Это обязанность, с которой он родился.

Вэнь Суй чуть сжал кулаки. Он станет неизмеримо лучше, превосходнее того потерянного ребёнка из семьи Цинь. Он затмит его во всём.

На другой стороне зала Цинь Фуюань держал в руке бокал с шампанским, сопровождая свою мать, госпожу Гу Сюэнин.

Глядя на это пышное празднество, Цинь Фуюань невольно подумал: если бы Юй Нянь тогда не сбежал, их Цинлину сейчас тоже исполнилось бы три года.

Он с откровенным презрением взглянул на верхушку клана Вэнь, стоящую на балконе, и особенно — на Вэнь Суя.

«Маленький высокомерный сноб.

Ни капли той живой милоты, что есть в моём Цинлине.

Мой сын умеет надувать презервативы как шарики и дарить их мне, умеет дерзко смотреть на меня, а попавшись — очаровательно хитрить и ластиться!

Умеет этот мелкий сухостой из семьи Вэнь хоть что-то подобное?

Сразу видно — чурбан чурбаном.

Вырастили деревяшку. Похоже, клану Вэнь скоро крышка».

Пока Цинь Фуюань в мыслях изошрённо поливал грязью всё семейство Вэнь, госпожа Гу Сюэнин наткнулась в телефоне на то самое вирусное фото с Юй Цинлином, Юй Нянем и Кингсли.

Она без церемоний ткнула сына локтем под дых:

— Посмотри-ка. Такого крошечного карапуза вообще реально вырастить?

На снимке Юй Цинлин выглядел до того хрупким и нежным, словно драгоценная стеклянная куколка, которая может расколоться от одного прикосновения.

— Хотя до чего же хорош, глаз не оторвать, — госпожа Гу тут же сохранила фото в избранное.

Цинь Фуюань не собирался поддерживать этот разговор и даже не взглянул на экран.

Он буркнул:

— У меня тоже есть ребёнок. И у нас тоже семья из трёх человек.

Госпожа Гу, не поднимая головы от экрана, отрезала:

— Вот на фото — семья из трёх человек. А у тебя — просто жена с ребёнком сбежали.

Цинь Фуюань:

—...

Он судорожно зажмурился:

«Лучше не смотреть. Надеюсь, это просто дурной сон».

Госпожа Гу, видя, как сын корчит мученические мины, окончательно закипела.

Она строго произнесла:

— Если собираешься возвращать ребёнка — ищи быстрее! Внук семьи Вэнь в три года уже «Цин» цитирует, в четыре — свободно управляет духовной силой и проходит тренировки на поле духовной силы клана Вэнь! В пять — освоил стрельбу, а в шесть пойдёт в корпорацию! Мой внук не должен быть посредственностью! Если его там, на стороне, вырастят глупым неотёсаным деревенщиной, он не сможет урвать Вэнь Суя и унаследовать Цинь!

Цинь Фуюань едва не скривился от досады.

Да разве он сам не хочет его найти?!

Он перерыл всё что можно, но эта парочка словно сквозь землю провалилась — ни единого

следа!

Однако...

Цинь Фуюань сильнее сжал ножку бокала.

На этот раз он обязательно их отыщет.

Вскоре кланы Цинь и Вэнь совместно объявили о запуске масштабного шоу детских талантов по всей стране Z. На национальный отбор приглашались дети от трёх до шести лет. Победителей ждали колоссальные ресурсы.

Включая уникальную возможность пройти краткую стажировку на закрытых полигонах испытания духовной силы семей Цинь и Вэнь и получить доступ к их сокровищам.

На этих полигонах испытания духовной силы хранились редчайшие артефакты — ресурсы, о которых обычные люди не смели и мечтать.

Отбор проходил прямо на базе дошкольных учреждений, и съемки начались с самых первых этапов. Новость об этом шоу мгновенно всколыхнула всю страну Z. Множество родителей, мечтавших дать своим детям пропуск в высшую лигу или сделать их знаменитыми, с замиранием сердца ждали начала кастингов.

Для элитных же семей это был отличный шанс дать своим наследникам попробовать себя в роли звёзд и продемонстрировать силу нового поколения.

А для Цинь Фуюаня вся эта грандиозная затея преследовала лишь одну цель: просеять миллионы видеозаписей и найти Юй Няня с их сыном.

Когда начался этап отбора, Цинь Фуюань отправился в командировку в небольшой южный городок.

А Юй Нянь и Юй Цинлин пока ни о чём не подозревали.

Утром Юй Нянь набрал номер воспитательницы:

— Учительница Цзян, я, кажется, отравился... Голова так кружится, не смогу сегодня привезти Цинлина в садик.

Говоря это, Юй Нянь матылял рукой у лба, изображая глубокое страдание.

Юй Цинлин мгновенно перепугался. Маленький бугорок под одеялом зашевелился и переполз ближе к отцу. Из-под края высунулась мягкая ручонка:

— Папа, где кружится?

Юй Нянь сбросил звонок, отшвырнул телефон и сгреб сына в охапку, снова утягивая его под одеяло:

— В голове. Углеводная кома.

Юй Цинлин:

—...

Ну ладно.

Юй Цинлин уткнулся носом в грудь отца, свернулся калачиком, и двое сонь застряли в постели до самого полудня.

Во второй половине дня Юй Нянь собрал вещи, и они отправились на горнолыжный курорт.

Юй Цинлин обожал кататься на лыжах — сказывалась натурная сущность снежного хорька. На малыша надели пушистый комбинезончик овечки, превратив его в смешной мягкий шарик, который неторопливо переставлял ножки впереди отца.

Вид был до того милый, что прохожим безумно хотелось подбежать и обнять его сзади.

Кингсли, который встал рано, услышал шум в соседнем дворе и высунулся через забор.

Узнав, что они едут кататься, Юй Цинлин пришёл в отличный настрой. Увидев Кингсли, он наклонил головку набок и очаровательно моргнул:

— Нихао!

Кингсли казалось, что прошлый образ Цинлина был пределом милоты, но сегодня мальчик превзошёл сам себя: с двумя плюшевыми овечьими ушками на капюшоне и склоненной набок головой он выглядел просто невероятно.

Кингсли умильнулся:

— Привет, малыш.

Юй Цинлин сделал пару шагов вперед:

— Малыш очень хороший.

В итоге Кингсли поехал на горнолыжную базу вместе с ними.

Все трое сразу поднялись на сложную, крутую трассу. Юй Цинлин стоял у края настила и не спешил спускаться, просто наблюдая за Кингсли.

Иностранец подумал, что трёхлетнему ребёнку на такой трассе действительно должно быть страшно, и решил успокоить его:

— Цинлин, ты не умеешь? Ничего страшного, мы можем пойти на детскую горку и научиться, здесь и правда слишком сложно.

Малыш в шапочке и защитных очках послушно кивнул:

— Да, сложновато... Ничего, можно съезжать медленно. Дядя, катайся!

Кингсли:

—...

Честно говоря, сам он в лыжах был далеко не мастером.

Кингсли только хотел предложить перебраться на простую трассу, как увидел, что Юй Цинлин уже встал на сноуборд.

И этот крошечный карапуз ростом в два с половиной кулака сорвался с места, виртуозно демонстрируя технику и безупречно закладывая виражи!

У Кингсли отвисла челюсть:

—...

Это у него называется «сложновато»?! Это называется «медленно»?!

Спасибо, взрослым лучше на это не смотреть — удар по самооценке гарантирован.

Крошечный силуэт на склоне привлекал слишком много внимания. Катавшийся неподалёку Цинь Фуюань со своим деловым партнёром тоже случайно заметил этого маленького виртуоза.

Партнёр не удержался от изумлённого возгласа:

— Надо же, какой малыш! Ему хоть три года есть? В таком возрасте — и на сложной трассе, да ещё так летит! Двигается словно снежный эльф... или как настоящий снежный хорёк!

Цинь Фуюань пристально приковал взгляд к этой маленькой фигурке.

<http://bllate.org/book/19995/1991411>